Советская повседневность через призму очуждения

Ирина Глушенко

Ирина Глущенко. Доцент кафедры наук о культуре отделения культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, каб. 312. E-mail: ultra-irina@mail.ru.

Ключевые слова: советская повседневность, художественная литература, Лагин, Ильф и Петров, очуждение.

Анализируя различные подходы к изучению повседневности, автор обращает внимание на ценность литературных текстов в качестве источника, не только обогащающего нас знаниями о быте прошлого, но и демонстрирующего отношение современников к тем или иным явлениям. В качестве парадоксального примера того, как литература отражает динамику повседневности, выбрана сказка советского детского писателя Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Автор статьи также выявляет параллели между «Стариком Хоттабычем» и другими известнейшими сатирическими произведениями советской литературы: «Двенадцатью стульями» и «Золотым теленком» И. Ильфа и Е. Петрова.

MANIFESTING SOVIET EVERYDAY LIFE BY ESTRANGEMENT

IRINA GLUSCHENKO. Associate Professor at the School of Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics. Address: Room 312, 8/2 Maly Tryokhsvyatitelsky Pereulok, 109028 Moscow, Russia. E-mail: ultra-irina@mail.ru.

Keywords: soviet everyday life, literature, L. Laguin, I. Ilf, E. Petrov, estrangement.

Analysis of various approaches to the study of everyday life shows the importance of literary texts as a source of not only facts from daily life of the past, but also of the views of the author's contemporaries on a variety of events. "Starik Khottabych," a tale by Soviet children's story writer L. Laguin, is discussed as an unconventional example of how changes in everyday life are reflected in the literature of the time. Similarities are also revealed between "Starik Khottabych" and the highly acclaimed satirical novels by Ilf and Petrov, "Twelve Chairs" and "The Little Golden Calf." In both cases, a protagonist disconnected from Soviet realities serves to create an estrangement effect, which highlights some problems inherent in that reality and not necessarily articulated by the contemporaries.

ОВЕТСКУЮ повседневность, как и любую другую, можно изучать по разным источникам. Можно обратиться к архивам, прессе, документам, партийным постановле-

ниям, работать с артефактами, фотографиями, фильмами, дневниковыми записями, мемуарами, частной и официальной перепиской, статистическими справочниками и телепередачами. Собственно, следы повседневности растворены во всей материальной культуре.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МЕЖДУ СТРОК

Среди всех источников есть один, который помогает разобраться в том, как повседневность воспринималась современниками, что казалось приятным, а что отвратительным, на что обращали внимание, что ценили, а чего не замечали. Художественная литература не только описывает современные ей явления, но и использует для этого своеобразную оптику, выделяя то, что кажется более значимым писателю, а следовательно, и читателю. Разумеется, писатель субъективен. Но именно в этой своей субъективности он нам особенно интересен. Тем более что писатель, по крайней мере известный, не существует отдельно от своего читателя.

Литературные произведения, адресованные современникам, к тому же написанные в традициях реализма, предполагали достоверные описания быта, которые в лучших образцах советской литературы были концентрированными и выразительными. Стихию повседневности порой легче воспринять через литературные образы, чем при изучении материальных памятников и на-

учных источников. Ведь эти последние значимы не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они становятся частью человеческих отношений.

Разумеется, события, происходящие в книге, являются вымышленными, но их контекст, бытовые обстоятельства и мотивы должны быть понятными и убедительными.

Особенно ценна детская литература. В этом жанре авторы стремятся к максимальной конкретности бытовых и жизненных деталей. Ситуации должны быть узнаваемы и правдоподобны. Если современникам бытовая достоверность помогает самоотождествиться с героями книги, то для последующих поколений такая литература служит ценнейшим источником, позволяющим понять не только особенности бытового поведения, но и его эмоциональную составляющую.

Литературных героев окружает подлинный мир. Перед бытом отступает даже идеология. Когда муж с женой из повести Юрия Трифонова «Предварительные итоги» (1970), собираясь на новоселье к родственникам «купили в ГУМе два немецких бра», то это — чистая правда. И когда вымышленный коротышка Незнайка на воздушном шаре говорит: «Я буду жаловаться», — это тоже правда. За этими случайными фразами встают целые пласты советской жизни. И если мы хоть немного приблизимся к пониманию поступков, психологии, мотивов людей, а также атмосферы, царившей в стране в тот период, когда писалась книга — пусть даже детская сказка, — мы имеем шанс немного уточнить свои представления об истории.

ТАИНСТВЕННЫЙ СОСУД

Возьмем повесть-сказку Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч». Свою знаменитую книгу Лагин написал в 1938 году, однако нам больше знаком второй вариант, который появился в 1955 году. Две редакции одного и того же текста, да еще с внушительной разницей в 17 лет, — настоящее сокровище для исследователя. Между 1938 и 1955 годами лежит целая пропасть. 1938-й — год расцвета сталинизма и тоталитаризма, завершающий этап массовых «чисток». В 1955-м из лагерей возвращаются люди, арестованные во время тех самых «чисток»; официальное разоблачение Сталина еще не произошло, но атмосфера в обществе уже начала радикально меняться. Начинается «оттепель». Между этими точками — война и десять лет послевоенной разрухи.

Редактируя книгу, Лагин убирает целые эпизоды и вставляет новые, вычеркивает лишних героев, меняет акценты, добавляет некоторые темы. Видно, как меняется повседневная жизнь. Так, желая описать франтовскую стрижку Жени, Волька в первой редакции скажет, что тот был пострижен «под бокс», а во второй — «под польку»; к предметам, которых не должен бояться Хоттабыч (автобусам, троллейбусам, грузовикам, трамваям, самолетам), добавятся телевизоры, а «шестидневка» из тридцатых годов сменится привычной нам «неделей».

Но особенно показательна эволюция в поведении людей. И если внимательно читать обе редакции, то замечаешь, что во второй версии автор демонстрирует наглядное смягчение нравов.

Вот Волька разговаривает с дворником и приглашает его на новую квартиру. В первой редакции эту спокойную беседу прерывает

- ... раздраженный голос матери:
- Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребенок?¹

Во второй редакции Лагин убирает слово «раздраженный». Мать просто зовет Вольку. В первой — Волька идет в опустевшую квартиру, «понурив голову». Во второй — «понурив голову» оказывается лишним. «Наконец-то! — накинулась на него мать» 1938 года. 17 лет спустя мать просто говорит «наконец-то».

Что мы видим? Мать из тридцатых годов гораздо более агрессивна, Волька, видимо, более запуган. В середине пятидесятых все намного спокойнее.

В первой повести вообще гораздо больше шума и грубости.

После того как Волька из-за неуместной помощи Хоттабыча проваливается на экзамене (в первой книге он называется «испытанием»), настроение у него очень мрачное. Хоттабыч пытается как-то развлечь мальчика. «Домой идти не хочется...» — размышляет Волька. «Ты не пойдешь домой! — заорал на всю площадь Хоттабыч» 1938 года. В 1955 году он просто «вскричал».

Далее Хоттабыч обещает, что у Вольки будут билеты в кино. Первый Волька «выругался про себя»: «Старый хвастунишка!» Второй всего лишь «раздраженно подумал».

Волька из второй книги гораздо более вежлив и предупредителен. Если первый Волька требует: «Я желаю немедленно очутиться на полу», то второй куда воспитаннее: «А теперь,— неуверен-

^{1.} Здесь и далее вариант 1938 года цитируется по электронной версии. См. URL: http://on-island.net/Literature/Lagin/Hottab/1938.htm..

но промолвил Волька,— если это вас не затруднит... будьте добры... конечно, если вас это не очень затруднит... Одним словом, мне бы очень хотелось очутиться на полу».

Однако наиболее показательной является сцена с верблюдом.

«Вдруг раздался громкий рев сирены, заскрежетал тормоз (в 1938 году он звучит «зловеще»)... Еще секунда — и произошло бы непоправимое несчастье», — пишет Лагин образца 1955 года. В 1938-м все гораздо определеннее: «С места в карьер произошла бы катастрофа».

Дальнейшее, скорее, напоминает рассказ Зощенко:

Собравшаяся толпа была настроена резко отрицательно к нашим героям. До слуха сразу поскучневшего Вольки доносились отдельные малоутешительные реплики:

- Ездиют тут на верблюдах...
- Да, чуть-чуть несчастье не приключилось.
- Тут, я так полагаю, главное не мальчишка. Тут, я так полагаю, главное старичок, который за мальчишкой сидит...
- Да, сидит и шляпой обмахивается. Прямо как граф какой-нибудь.
- Чего смотреть! В отделение и весь разговор.
- И откуда только люди сейчас верблюдов достают, уму непостижимо!
- Эта животная краденая.
- Ничего, в отделении разберутся.

Вспомним агрессивную реакцию публики из рассказа Зощенко «Страдания молодого Вертера», когда герой нарушает некие правила. Раздаются похожие реплики: «ведите его в милицию», «пущай предъявит документы», «возьмите с него штраф».

Насколько человечнее становится та же сцена во второй редакции «Хоттабыча»:

- Первый раз вижу: в Москве и вдруг разъезжают на верблюдах!..
- Подумать только чуть-чуть несчастье не приключилось!..
- Неужто ребенку нельзя на верблюде покататься?..
- Никому не позволено нарушать правила уличного движения...
- А вы бы сами попробовали остановить такое гордое животное. Это вам, гражданин, не машина!.. 2

Во втором варианте люди больше интересуются верблюдом и ребенком. В первом акцент делается на то, что «животная краденая»,

2. *Лагин Л.* Старик Хоттабыч. М.: Детская литературы, 1963. С. 107. Издания 1955 и 1963 годов — идентичны.

нарушителей хотят отправить «в отделение», не говоря уже о типичном «ездиют тут».

Волька из первой книги пытается оправдаться за свои недостойные слова: «Разве это я говорю? Это вон он, этот старый болван говорит!» (вспомним из того же рассказа Зощенко: «Совместно с этим постаревшим болваном»).

Воспитанный мальчик из 1955 года скажет, конечно, иначе: «Это вон он, этот старик, заставляет меня так говорить…»

Так, детская книга фиксирует очевидный сдвиг, произошедший в обществе, манере общения, поведении. Реакции тридцатых жестче, бесцеремоннее, грубее. В середине пятидесятых они словно успокаиваются, смягчаются.

«В целом первая редакция представляется более грубой, чем вторая, особенно в мелочах»³,— пишет культуролог Ксения Литвинская.

Показательным примером является сцена в парикмахерской, где Волька пытается сбрить бороду, которая выросла у него по вине Хоттабыча. Автор называет Вольку «уродливым существом», мастер и посетители парикмахерской отпускают в адрес мальчика грубые шутки. Хоттабыч за это превращает всех в баранов.

Культуре, но не в высоком ее понимании, а в повседневном, как этикету, во второй редакции посвящено гораздо больше внимания, чем в первой, где не встречаются такие обороты, как *«культурный* советский человек». В первой редакции Хоттабыч даже не знает, что такое вилка, и мальчикам приходится очень долго объяснять, что это и для чего она нужна. Во второй редакции отмечается, что Хоттабыч имеет привычку «тыкать» незнакомым людям, хотя в Советском Союзе это не принято. Пример такой ситуации можно увидеть в павильоне фруктовых и минеральных вод, где Хоттабыч обращается на «ты» к официантке, из-за чего она делает ему замечание. Второе замечание официантки, «ведите себя, как полагается в общественном месте», показывает, что в советском обществе присутствуют негласные правила поведения, которые, между тем, знакомы любому «культурному советскому гражданину»⁴.

^{3.} Литвинская К. О. Отношение к деньгам и статусу в советском обществе на примере повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (в редакции 1938 и 1956 гг.). ВКР Отделения культурологии философского факультета НИУ ВШЭ. Рукопись. М., 2013. С. 26.

^{4.} Там же.

Советское общество за эти 17 лет прошло серьезную эволюцию и стало гораздо более стабильным. Исчезли постоянная неуверенность и опасность, которые подспудно присутствовали в текстах 1930-х годов, даже в жизнеутверждающих и оптимистических.

«КТО ЭТОТ МОЩНЫЙ СТАРИК?»

Контраст эпох обнаруживается в повести Лагина не только при сравнении двух ее версий. Сам старик Хоттабыч, будучи выходцем из прошлого, напоминает еще одного героя советской литературы — Ипполита Матвеевича Воробьянинова из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Что же у них общего? Хоттабыч — сказочный джинн, попавший в советскую страну и подружившийся с пионером Волькой Костыльковым. Воробьянинов — бывший предводитель дворянства, теперь — делопроизводитель загса, превратившийся в охотника за бриллиантами, компаньона, а потом и убийцу обаятельного жулика Остапа Бендера.

Однако и Хоттабыч, и Воробьянинов чувствуют себя чужими в советском мире. Сказочный джинн, волей автора заброшенный в Советский Союз, так же не ориентируется в этой реальности, как и Воробьянинов, всего какие-то десять лет назад перешагнувший в СССР из дореволюционного мира. И главное, чего не хватает этому миру, — это роскоши и неги.

Начнем с того, что лежит на поверхности. С бриллиантов и вообще драгоценностей. Воробьяниновская теща зашила бриллианты в стул. Когда Воробьянинов найдет их, жизнь чудесным образом переменится. Однако пока они существуют лишь в его мечтах. Но откуда столько описаний драгоценностей и роскоши в детской советской книжке? Вот Хоттабыч дарит Вольке золотые часики «с великолепными, чистейшей воды изумрудами». Затем он возводит три сказочных дворца. Лагин не скупится на подробные описания:

Первый дворец был целиком из драгоценного розового мрамора. Его восемь тяжелых резных дверей, изготовленных из сандалового дерева, были украшены серебряными звездами и ярко-алыми рубинами... Второй дворец был из голубоватого мрамора. В нем было десять дверей из редчайшего эбенового дерева. Они были украшены золотыми гвоздями и усыпаны алмазами, сапфирами и изумрудами.

Вольке не нужны дворцы, он все норовит передать их то в MKX^5 (в 1938-м), то в $POHO^6$ (в 1955-м). Вспомним теперь описание дворца культуры из «Двенадцати стульев», дворца, который как раз был построен на воробьяниновские драгоценности:

Бриллианты превратились в сплошные фасадные стекла и железобетонные перекрытия, прохладные гимнастические залы были сделаны из жемчуга. Алмазная диадема превратилась в театральный зал с вертящейся сценой, рубиновые подвески разрослись в целые люстры, змеиные браслеты с изумрудами обернулись прекрасной библиотекой, а фермуар перевоплотился в детские ясли, планерную мастерскую, шахматный клуб и бильярдную⁷.

Волька хотел отдать дворцы, а герои «Двенадцати стульев», наоборот, мечтают забрать драгоценности себе. Но логика советской жизни в обоих случаях дает один и тот же результат: дворцы должны принадлежать организации, а не частному лицу. И пионер Волька просто понимает эту логику лучше других персонажей.

Когда Волька отказывается от дворцов, старик дарит ему караван с погонщиками, опять полный драгоценностей. «Один из верблюдов и по сей день пасется где-то в окрестностях. Его очень легко узнать, если он вам попадется на глаза: у него уздечка вся усыпана брильянтами и изумрудами». А вклад Хоттабыча в Госбанк? «...двести сорок тюков золота, серебра и драгоценных камней общей стоимостью в три миллиарда четыреста шестьдесят семь миллионов сто тридцать пять тысяч семьсот три рубля восемнадцать копеек».

Призрачное богатство терзает воображение героев Ильфа и Петрова:

По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет. Брильянтовый дым держался под потолком. Жемчужные бусы катились по столу и прыгали по полу. Драгоценный мираж потрясал комнату...—Выбор неплохой. Камни, я вижу, подобраны со вкусом. Сколько вся эта музыка стоила? — Тысяч семьдесят — семьдесят пять. — Мгу... Теперь, значит, стоит полтораста тысяч⁸.

- 5. Московское коммунальное хозяйство.
- 6. Районный отдел народного образования.
- 7. *Ильф И.*, *Петров Е.* Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 325.
- 8. Там же. С. 49.

Увы, бриллиантовый дым так же уместен в дворницкой, как и караван верблюдов в советском дворе. То, как подробно описаны ненужные в советской жизни драгоценности, заставляет заподозрить, что и Лагин, и Ильф и Петров немного тоскуют по исчезнувшему блеску, яркости, экстравагантности. Восточные богатства из сказки и воспоминания и мечты о дорогой парижской жизни — все это черты другой реальности, той, что оттеняет бесцветную советскую жизнь.

И Воробьянинов, и Хоттабыч хотят потрясти, произвести впечатление на бесхитростных и не привыкших к роскоши советских людей. Вспомним, как Воробьянинову «захотелось быть богатым, расточительным и неотразимым» в обществе Лизы, которую в первоначальной редакции «Двенадцати стульев» называют «маленькой советской девочкой, которая ничего еще толком не видела и не знала»⁹.

Хоттабыч тоже стремится потрясти Вольку (так и хочется сказать «маленького советского мальчика») неизвестными тому представлениями о роскоши. У собаки, которую Хоттабыч подарил герою, роскошный ошейник. Наивная Волькина мама (еще одна «маленькая советская девочка») говорит, что «один ее ошейник стоит десятки рублей... Она думала, что ошейник украшен цветными стекляшками». Конечно, мамина фантазия не идет дальше стекляшек, а на самом деле, естественно, ошейник был украшен драгоценными камнями.

Еще параллели. Что заказывают у «волшебного колечка» отрицательные герои Лагина: Хапугин из редакции 1938 года и мистер Вандендаллес (ох, не эллочкин ли Вандербильд стоит за его спиной?..) в 1955-м? Сначала он требует сто миллионов долларов.

А теперь... а теперь ... а теперь я хочу десять тысяч золотых часов, усыпанных брильянтом, двадцать тысяч золотых портсигар, тридцать... нет, пятьдесят тысяч ожерелий из жемчуга, пятнадцать тысяч старинный фарфоровый сервиз... 10

Как тут не вспомнить, чем была набита необыкновенная шуба Остапа Бендера из «Золотого теленка»:

Он покупал североамериканские доллары с портретами президентов в белых буклях, золотые часы и портсигары, обручальные кольца, брильянты и другие драгоценные штуки.

- 9. Впрочем, в позднейшей редакции «Двенадцати стульев» «маленькая советская девочка» превратится просто в «девочку».
- 10. Лагин Л. Указ. соч. С. 151-152.

Сейчас он нес на себе семнадцать массивных портсигаров.

По карманам были рассованы бубличные связки обручальных колец, перстней и браслеток. На спине в три ряда висели на крепких веревочках двадцать пар золотых часов¹¹.

У Хоттабыча из восточной сказки и Кисы родом из дореволюционной России оказываются схожие замашки. Ипполит Матвеевич берет в кино самые дорогие билеты. «Впрочем, до конца сеанса не дотерпели. Лиза привыкла сидеть на дешевых местах, вблизи, и плохо видела из дорогого тридцать четвертого ряда». Хоттабыч в цирке тоже не хочет сидеть на нижних местах:

В одной из лож, около самой арены, было как раз три свободных стула, но Хоттабыч решительно высказался против этих мест.

— Я не могу согласиться, — сказал он, — чтобы хоть кто-нибудь в этом помещении сидел выше меня и моих глубокочтимых друзей. Это было бы ниже моего достоинства.

Спорить со стариком было совершенно бесполезно, и ребята скрепя сердце уселись на самой верхотуре, в последнем ряду амфитеатра.

После кино Ипполит Матвеевич и Лиза идут в ресторан. Там Воробьянинов напивается и начинает глупо себя вести. Хоттабыч в цирке объедается эскимо. У него начинается жар, он показывает представление. Воробьянинов «долго плакал и, еще плача, купил у старушки все ее баранки, вместе с корзиной. Он вышел на Смоленский рынок, пустой и темный, и долго расхаживал там взад и вперед, разбрасывая баранки, как сеятель бросает семена». Больной Хоттабыч «стоит на углу с мешком золота и все норовит всучить его прохожим». Кисе «казалось, что он умирает». Хоттабыч «чувствовал приближение смерти».

Зачем авторам понадобились эти два старика, катастрофически не вписывающиеся в советскую реальность? В обоих случаях срабатывает эффект «очуждения». Через персонажа из прошлого выявляются некоторые характеристики современной жизни, которые людям советского общества уже кажутся естественными и само собой разумеющимися.

Удивление перед действительностью и нелепые поступки этих героев показывают, что может быть и по-другому. А некоторые советские реалии через призму восприятия Хоттабыча и Воробьянинова выглядят странно и даже загадочно.

11. Ильф И., Петров Е. Указ. соч. С. 648-649.

В «Золотом теленке» к концу романа функцию «чужака» начинает выполнять Остап Бендер. Пока он гонялся за подпольным миллионером Корейко, жизнь в стране ушла вперед, наступили 1930-е годы с совершенно другими правилами. А Остап остался в легкомысленных 1920-х.

Разрыв, казалось бы, не такой драматический, как у Хоттабыча или даже Кисы, но вполне достаточный, чтобы выбить героя из колеи нормальной жизни. Рыночная экономика нэпа ликвидирована, частного бизнеса практически нет, деньги теряют ценность, а человек, существующий вне коллектива, оказывается вне социума. Здесь главное не деньги, а доступ, принадлежность к какой-то социальной или профессиональной общности.

Остап из «Двенадцати стульев» и первой части «Золотого теленка» адекватен времени, а во второй — он уже человек из прошлого. Возникает тот же эффект остранения. Показательно, что именно в «Золотом теленке» Остап представляется экзотическим именем — Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, что почти уже напоминает полное имя Хоттабыча — Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб.

Все эти герои: и Хоттабыч, и Воробьянинов, и под конец Остап — оказываются со своими представлениями о мире совершенно беспомощны в советской реальности, бессильны перед советской системой.

REFERENCES

Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat' stul'ev. Zolotoi telenok* [The Twelve Chairs. The Little Golden Calf], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959. Lagin L. *Starik Khottabych* [Old Khottabych], Moscow, Detskaia literatura, 1963.

Litvinskaia K.O. Otnoshenie k den'gam i statusu v sovetskom obshchestve na primere povesti-skazki L. Lagina «Starik Khottabych» (v redaktsii 1938 i 1956 gg.) [Stance on money and status in Soviet society as exemplified in L. Lagin's "Old Hottabych" (as revised in 1938 and 1956)]. VKR Otdeleniia kul'turologii filosofskogo fakul'teta NIU VShE. Rukopis' [Graduation thesis. School of cultural studies of fhilosophy faculty of National Research University Higher School of Economics, manuscript], Moscow, 2013.